



ВЕТКА ШИПОВНИКА ДЛЯ О.С.

Эта скучность-мотовка и
жалость-зависть,
прозревая, как опустошенная
вязь,
опущенная светом петербургским
апрельским,
в позапрошлого-грядущее пишется
как по рельсам,

1996 №5

чтоб за крайнее, что невпопад
вернется,
ухватиться: за скользкую вертикаль
колодца -

и следить сползание вверх, зиянье,
размороженных гласных
рукоплесканье;

не догнав окончательность вещей
ночи
не догадка - доглядка верней
упрочит

образцовой кротости блеск
надменный,
произвел песнопений и пепел
пепных,

не взыскиющих голоса, но -
прилива,
чья вода всеведуща и глумлива:

заключи в объятия - навеки свяжет
холодеющей оторопью на пляже

после солнца, после его отставки.
У заветных Врат - толчая и
давка,

потому что праздник - лишь смена
платя.
Кто заказывал музыку - тот и
платит.

ИННЕ ЛИСНЯНСКОЙ

О ссылочный ангел, как же в Вас
глядящийся Психея болено!
И догадалась я сейчас,
что эта ссылка - добровольна,

что знают черные глаза -
лазурь, обугленая скорбью:
тижелоружная роса
недаром кроткий стебель горбит,

недаром мачеха-земля,
вцепившись в ласковые корни,
плетет объятий вензели
и молоком распада кормит,

и сердца пробует на зуб
болимое сырое злато:
когда-нибудь из мертвых губ
она возьмет его как плату

за переправу, чтоб в пути
обратном лучшие шептали:
- Прости нас, Господи, прости,
что недостающими страдали.

ДЛЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ

Поэт есть путь в Реальность за
таможней
реальности, стрела
Зенона,
тождественная цели
невозможной, -
в мозгу Всевышнего - любимая
заноза,
саднящая,
торчащая - стремглав.

Он от рождения не имеет кожи
и потому - тысячеглаз,
подспудно ограничен и - перемножен
тысячекратно
внутри себя с собою, как алмаз,
и тем болимее, чем больше в
нем каратов, -
слабее слабости, взрезает тьму
любую,
беспечно погибая

всякий раз.

Поэт есть мост - подвижный, звуковой, -
над ртутью Леты
цветущая черешневая ветка,
к обоим Древам жертвенный привой
и - вдовья лепта
в пространство, где сойдутся берега.

- Фригийская уничтожая флейта
у вечности в руках.

СИМВОЛИЗМ

Бледнее лида, последняя звезда
иссякла в топи грязно-голубой.
Еще не винтина вещан беда,

бессвязное... И догадаться вдруг,
что чудо все-таки произошло:
вздремнули Керы, встрепенулся труп
и перевозчик выронил весло.

Арийских распрай, варварской возни -
ни отзыва, ни всплеска. Кончен спор.
А лезвием по вене полосни -
польется чистый праздничный кагор.

ПРОЩАНИЕ С ПЕТЕРБУРГОМ

Мост преодолевает реку в три прыжка,-
в который раз! Неподвижность - близнец
Сизифа,
как наизусть молитва и скомканый
всплеск платка
на распутьи мира и мифа -

в сердце прощания жизни с ее
любым
описанием: в мраморе, по ладони, в
волнах, -
и ответного жеста подслеповатый
случайный дым
долго пепляет в волнах

шхерах сознания, выщурных не в
пример
топорной прямоте приговора, коим
к неподъемной своей красоте, точно
к гребям галер,
город прикован.

Венок сонетов, замкнутый на себя:
ничего не отнять, не прибавить ни
днеси, ни вышу,
в прогорклой охре - в сумерках
сентября
он похож на руши.

Жизнь уходит, куда указует перст.
Петропавловский, но с сильным к
востоку креном,
и выщербленный подстрочник двора
отверзт
догадкой, что был - катреном.

Мысль изречения есть вещь, ее
судьба
тврдить как урок себя, с каждым
разом
неувереное. И морская раскаивает
ворчаба
на гвозде держащейся разум.

Нечего делать. До слепоты глаза
аптикой зачелованы, адриналином,
римом,
по-российски бесцеремонными, так
что уже нельзя
между бродягой и пилигримом

уловить различье: карманний храм
всяк притасает, как яд - целитель,
и на сей замусоленный
ростовщиками храм
не позарится искусством.

Жизнь уходит. Как сила ее легка! -
безупречное крыльев, выщерченных
полетом, -
без помарок ей пишутся тени,
нефрит листвы, облака, -
все, что мозгом и потом

не выкупить у времени, чей зоркий
хрусталь, спеша,
опрокидывает цветные струящиеся
чертоги
на сепичатку небес, с которой душа
совпадает в итоге.

И слезами срезав мозоли привычки с
глаз,
кровь растолкал в заболоченных руслах
сонных:

- В этом мире больше миров, чем вас,
их населять способных.
жизнь роняет напоследок, вперед и
вспять

изменяясь чудесней, чем в лучшей сказке,
и настигнуть ее - все равно что с любови
снять
посмертную маску.

ЭЛЛА КРЫЛОВА



Это имя я впервые услышал от Иосифа Бродского в Хельсинки. Он, по собственным словам, внимательно следил за теми, "кто дышит в затылок". И кто? - спросил я. Бродский назвал Тимура Кибирова, Сергея Гандлевского и Эллу Крылову... Последнего имени я никогда не слышал. Москвичка? Кажется, да. Каково же было мое удивление, когда в день возвращения из Финляндии мне позвонила дама, представившаяся Эллой Крыловой? Оказывается, она уже два года живет в Петербурге и ни с кем из здешних поэтов не знакома. Естественно, я пригласил ее в гости.

Бродский оказался прав. Элла Крылова, действительно, один из самых заметных и перспективных поэтов нового поколения.

В современной молодой поэзии существуют две не пересекающиеся тенденции - полный разрыв с русской традицией, попытка "американского письма" на русском языке, и наоборот, эпигонская линия, ставящая современного поэта в рабскую зависимость от классических образцов "серебряного века". Элла Крылова, к счастью, является исключением. Она органически восприняла опыт поэзии "серебряного века", но ее стихи, укорененные в русской классической традиции, остаются необыкновенно актуальными, одушевленными исключительно самобытной интонацией.

Уровень поэтического мастерства Крыловой настолько высок, что удивляешься несоответствию ее возраста той степени литературной зрелости, которую демонстрируют ее стихи. Однако виртуозное владение поэтической формой (разнообразная ритмика, сложная строфа, изысканная рифмовка, богатая аллитерированность, роскошная звуковая фактура стиха) не являются главным достоинством стихов Крыловой, которые, в отличие от подавляющего большинства современной поэтической продукции, содержательны в лучшем смысле этого слова. Это редкая для нашего времени подлинно философская поэзия, поэзия безжалостной и оголенной мысли, принимающей подчас вид причудливый, сюрреалистически-деформированный, но именно потому - актуальный.

Виктор Кривулин

по глубока внимательная боль.

Она вбирает, пущенная в рост,
и свет, и гибель, - зыбкая лоза.
Подробно зреет жертвенная гроздь:
жаждать невозможно и сорвать пельзя.

Скорее, шарфом шею обмотать,
обуться, шубу наспех запахнуть,
нагрянуть и врасплох себя застать
на самом дне, и слушать что-нибудь